

Сон о Родине

Беседовала Василиса Пьявко

Сегодня в 18.00 в актовом зале при храме Николы в Заяицком, что на Раушской, 28, состоится творческий вечер Елена Владимировна Мкртчян. Когда-то на ее концерты приходила Анастасия Цветаева, а сама Лина училась у лучших мастеров вокального искусства. Единственная в мире женщина-исполнительница репертуара Федора Ивановича Шаляпина дала эксклюзивное интервью газете «Россия».

«Талант — это Божий дар, который ты должен вернуть людям»

СПРАВКА

Имя Елены Владимировны (Лины) Мкртчян хорошо известно любителям камерной вокальной музыки. Эта певица обладает голосом уникального диапазона, о силе ее эмоционального воздействия на слушателя ходят легенды. В ее репертуаре шедевры классической музыки и поэзии. Лине посвящали свои эссе Лихачев, Сокуров, Губайдулина и многие другие выдающиеся деятели культуры. С детства поет на клиросе. Много гастролирует. Дает благотворительные вечера. С православными духовными песнопениями выступала в Ватикане перед Папой Римским, пела в знаменитом зале «Карнеги-Холл» в Нью-Йорке на вечере, посвященном жертвам спитакского землетрясения. Лауреат Царскосельской премии 1994 года. Ее концерты проходили в лучших московских залах в сопровождении оркестров Колобова и Федосеева. Особое место в жизни Лины Мкртчян занимает православие. Она певчая при храме Николы в Пыжах в Москве.

мощи двухсот святых, мироточивая икона Царя-мученика. Храм — центр моей жизни. 10 лет назад я стала духовной дочерью отца Александра Шергунова, нашего настоятеля. За год до своей смерти Анастасия Ивановна Цветаева «завещала» меня

батюшке, он был ее духовником последние 18 лет ее жизни. Всем лучшим во мне я обязана ему.

— Как вы познакомились с Анастасией Ивановной?

— Меня познакомил с ней ее сын, ныне покойный Андрей Борисович Трухачев,

«Пушкин сказал, что страну определяют две вещи — вера и ландшафт»

— Для того чтобы я оставила хотя бы пять монографий, должен появиться гениальный человек, который бы понял, во имя чего все это. Особенно в контексте тех «сумерек», в которых мы существуем со времени путча.

— Путча 91-го или 93-го?

— Конечно, я говорю о перевороте 91-го. В 93-м вообще был открытый фашизм на глазах у всего мира. Люди убивали своих сограждан, и никто при этом не понес никакого наказания... Мало того, им за это заплатили миллиарды.

— Должен ли художник занимать четкую общественную позицию?

— Конечно! Я третий год веду духовно-просветительский цикл «Возвращение на Родину». Не пою на этих вечерах, а соединяю героев и публику. В них принимает участие цвет русской культуры.

— Ежедневно вы поете на клиросе. Как вам с непрофессионалами?

— Я пою в лучшем московском церковном хоре, в любимом Николушкином храме на Большой Ордынке! У нас

— Я пою всегда только сценарные вечера. Этот сценарий называется «Сон о Родине». Я пою его, как наш общий сон. В программе вечера шедевры русской музыки и поэзии: Прокофьев, Рахманинов, Даргомыжский, Чайковский... Будут даже никому не известные вещи. Например, «Сборщик на колокол» Гречанинова, «Старый капрал», которого, кроме Шаляпина, никто не пел, русская народная песня «Алтай». Ее в 1941 году записала в Нью-Йорке Лидия Федоровна Шаляпина, женщина выдающейся красоты и таланта. Больше она никогда ее не пела... понимаете? При таком отце... Я вторая исполнительница. А начинается все со «Сна» Рахманинова: «И у меня был край родной...»

— Два года о вас не было слышно в Москве. Почему?

— Не было возможности. Пела в Белоруссии, Малороссии, за рубежом, была поглощена циклом «Возвращение на Родину». Люди, которым кажется, что, отнимая залы, они влияют на мою судьбу, очень наивны. Им удалось только создать атмосферу, при которой человек, не уезжая, чувствует себя в эмиграции.

— Почему вы решили поступать в Гнесинку?

— Это был Божий промысел. Я узнала, что в Гнесинском институте среди последних из последних могилек есть легендарная Полина Львовна Тренина. Один из ее учеников привел меня, 17-летнюю девочку, к ней домой, и все было решено. Она была последним представителем великой русской певческой школы, равной которой нет нигде. Тренина училась у Преображенской, знаменитой солистки Большого театра, которая была солисткой его императорского величества. Это звание носили всего несколько человек, и первым его получил Ф.И. Шаляпин.

— Почему вы не поете в опере?

— Потому что глубоко убеждена: стоит ставить только такой спектакль, о котором будут говорить 20 лет. По большому счету он должен влиять на развитие жанра. Для этого в подвале должны собраться гениальные люди, обожающие друг друга, и за одну ночь сделать спектакль! Это невозможно...

— Но отдельные арии исполняете?

— Да, когда это необходимо по сценарию. Как эпиграф. К моей пушкинской монографии эпиграф был «Ну, времена...». Я взяла ту знаменитую последнюю арию графини из «Пиковой дамы», которую она поет в присутствии Германа, не зная, что он за занавеской. А я пою ее так, как если бы графиня совершенно точно знала, что он здесь, и знала бы зачем.

— Вы мечтали выпустить антологию своих монографий. Сбылось?

который был постоянным слушателем и зрителем моих столь частых некогда вечеров и который однажды привел Анастасию Ивановну. С тех пор она уже не пропускала ни одного моего выступления.

— Вы пели перед Папой Римским. Вас часто приглашают за рубеж?

— Да. К сожалению, чаще всего в Голландию. Там изумительная архитектура, напоминающая Петербург, но людские лица уже утратили подобие Божие. Надо сказать, я обожаю архитектуру, особенно Гауди, он умел из камня плести кружева! С этим связана одна смешная история. В 1992 году, гастролируя в Испании, мы с Элисо Вирсаладзе приехали в Барселону. Ночью. Нас высадили у дома Гауди. Откинув сумки, мы в восторге застыли перед ним. Тут подъехали парни на мотоциклах и ножницами — чик! Но Элисо — гений и нормальный человек, у нее в сумке было зеркальце и два песо, а у меня ключи, паспорт, весь гонорар! Консулом в Мадриде оказался мой давний поклонник, он помог, и я стала первым в СССР обладателем паспорта с цветной фотографией. Но, когда пришлось ехать на гастроли в суперсекретный Саров, из-за этой фотографии меня задержали на КПП до утра. Подумали, что шпионка.

— В 1999 году на «Евровидении» был показан часовой фильм о вас...

— Есть такой очень интересный человек — Ален Дюон. Он ездит по всему миру и снимает фильмы о выдающихся деятелях культуры. Он прослушал мои записи и не поверил, захотел услышать живьем. Скажу честно, это был единственный в его, да и в моей жизни случай, когда «Песни и пляски смерти» Мусоргского я спела от начала до конца перед четырьмя камерами без остановки. Хотя у меня несколько раз оставалось сердце.

— После той записи в Париже вышли ваши альбомы Мусоргского, Глинки и Чайковского. Будет ли продолжение?

— К сожалению, госпожа Иоланта Скура, которая собиралась издать всю мою антологию, продала свою фирму. Ее фирма «Опус 111» имела клиентуру по всему миру, а потом случилась любовь. 25 лет госпожа Скура была таким музыкальным монстром, ее знал весь мир! А потом влюбилась, все продала, сейчас живет в Австралии.

— В вашей жизни были тяжелые испытания...

— Скорби должны быть в жизни каждого человека. Как же что-то понять и как помочь другому, если ничего этого не было с тобой? А счастье со мной всегда — я счастлива, что родилась и живу в России.

Благодарим В. Заманского за помощь в подготовке интервью

Мкртчян Елена Владимировна

9.09.02